

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА В МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Т.В. Ковалевская

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
tkowalewska@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается значение Первого послания апостола Иоанна для религиозно-философской мысли Достоевского. В отличие от строго понимаемой философии, богословие Достоевского лишь недавно стало предметом системных исследований. Исследователи часто обращаются к широкому спектру неортодоксальных религиозных контекстов (гностицизма, манихейства как особой формы гностицизма, пелагианства, мистерийных практик) для сопоставительного анализа с мыслью и творчеством писателя. В данной статье предлагается сравнительный текстуальный анализ Первого послания апостола Иоанна и произведений, а также личных записей Достоевского. Подробное прочтение Первого послания параллельно с текстами Достоевского показывает, что в своей религиозной антропологии, в представлении о конечном предназначении человека и о путях достижения этого предназначения Достоевский был ортодоксальным христианским мыслителем, видевшим цель и предназначение человека в достижении обожения, и Первое послание апостола Иоанна является текстуальным источником многих религиозно-антропологических идей писателя, а также ранее не отождествленным источником его эсхатологических высказываний. Любовь, центральная тема Первого послания, превращается в мысли Достоевского в принципиальную антиномию земного бытия человека (подобно свободной воле). Отождествление Первого послания как непосредственного текстуального источника некоторых записей и религиозных размышлений Достоевского представляет собой важный вклад в изучение текстов писателя и является существенным ключом к определению его религиозных воззрений. Одновременно исследование Первого послания как текста, где формулируются ключевые для религиозно-философской антропологии писателя догматы, представляет собой перспективное направление в дальнейшем изучении богословствования писателя.

Ключевые слова: религиозная антропология; эсхатология; теозис; богосыновство; св. Григорий Палама; св. Афанасий; св. Иринея

Для цитирования: Ковалевская Т.В. Первое соборное послание апостола Иоанна Богослова в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2022. № 4. С. 175–184.

FIRST EPISTLE OF JOHN IN FYODOR DOSTOEVSKY'S WORKS AND THOUGHT

Tatyana Kovalevskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; tkowalewska@yandex.ru

Abstract: The article considers the importance of the First Epistle of John for Dostoevsky's religious and philosophical thought. Unlike formal philosophy, Dostoevsky's theology has only recently become a subject of systemic research. Scholars frequently turn to a broad range of unorthodox forms of religion (Gnosticism, Manicheism as a special form of Gnosticism, Pelagianism, mystical practices) as areas for comparisons with Dostoevsky's works and thought. The article offers a comparative textual analysis of the First Epistle of John and Dostoevsky's works as well as his personal notes. A close parallel reading of the First Epistle and Dostoevsky's texts demonstrates that in his religious anthropology, in his concept of the human being's ultimate destiny and of the ways for achieving this destiny, Dostoevsky was an orthodox Christian thinker who saw *theosis* as ultimate human destiny; the First Epistle of John is the textual source of many of the writer's key religious anthropological ideas and a previously unidentified source of some of his eschatological statements. Dostoevsky transforms love, the focus of the First Epistle, into a key (along with free will) antinomy of humanity's earthly life. The identification of the First Epistle as the immediate textual source of some of Dostoevsky's notes and religious musings is an important contribution to the study of the writer's texts and an important key to determining his religious views. At the same time, a study of the First Epistle as a text that formulates cornerstone tenets of Dostoevsky's religious anthropology is a promising direction for further studies of Dostoevsky's theological thought.

Key words: religious anthropology; eschatology; theosis; divine sonship; St. Gregory Palamas; St. Athanasius; St. Irenaeus

For citation: Kovalevskaya T.V. (2022). The First Epistle of John in Fyodor Dostoevsky's Works and Thought. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 175–184.

Ф.М. Достоевского часто называют не только писателем, но и философом, и богословом. Его творчество уже анализировали через призму формальной философии [Scanlan, 2003]. И напротив, хотя многие мыслители конца XIX — первой трети XX вв. подчеркивали значение Достоевского как религиозного мыслителя (см. перечисление: [Касаткина, 2021: 26]) и исследовали христианство Достоевского как миропонимание [Лосский, 1953]), только недавно были сделаны первые подступы к изучению богословия Достоевского как системы [Касаткина, 2021].

При изучении религиозных взглядов писателя исследователи часто фокусируются на гностицизме [Евламписев, 2008] пелагианстве [Хондзинский, 2014], манихействе (как особой форме гностицизма) [Буздалов, 2014] — все эти темы, несомненно, важны для понимания художественно-философской мысли Достоевского. Но в данной работе я хочу обратиться к каноническому тексту Священного Писания, к Первому посланию апостола Иоанна, указать на, насколько нам известно, не идентифицировавшееся текстуальное заимствование из Первого Послания у писателя, и показать, что оно было источником богословия Достоевского, его антропологии и эсхатологии.

Текстуальные параллели между творчеством Достоевского и Первым посланием уже разрабатывались. В 2017 г. в Тобольске вышло капитальное издание «Евангелие Достоевского», включающее в себя подробное описание Евангелия как книги; в нем также отмечаются параллели между евангельскими фрагментами и текстами писателя и указываются как переклички, так и то, что исследователи называют «контрастами» между текстом Достоевского и евангельскими текстами.

Первое послание Иоанна здесь оказывается, скорее, источником контрастов. Так, фрагмент из «Братьев Карамазовых» «Любите всё создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. <...> И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью» приведен «по контрасту» [Евангелие Достоевского, 2017: 628] со следующим отрывком: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин 2:15–16).

Еще одним примером «контрастного» высказывания становится сравнение текста из записи «Маша лежит на столе...» и Первого послания. «Что мы любим детей Божиих, узнаём из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки» (5: 2–3) Этот фрагмент противопоставляется цитате из записей Достоевского: «Возлюбить человека, как *самого себя*, по заповеди Христовой — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172; здесь и далее в данной записи курсив Достоевского. — Т.К.].

Таким образом, эти идентифицированные исследователями параллели создают впечатление существенной полемики между Достоевским и апостолом, подкрепляя представление о писателе как неортодоксальном религиозном мыслителе. Наш аргумент состоит в том, что отношения между Посланием и текстами Достоевского суть не «контраст», но антиномия. Антиномично представление бл. Августина о свободной воле, одной из ключевых философско-богословских концепций христианства [Бл. Августин 1998: 26]. Достоевский формулирует собственную антиномию — природу христианской любви, и из этой антиномии вытекает его доказательство бессмертия души и представление о конечном предназначении человека к обожению.

В первом пункте предполагаемой полемики между апостолом и писателем отрицается связь между Достоевским и ключевым пунктом гностицизма — миром как творением злого демиурга и, таким образом, ставится под вопрос принципиальная связь творчества Достоевского и гностицизма как такового.

Второй пункт — возможность возлюбить ближнего «как самого себя». Необходимо отметить, что для Достоевского «возлюбить как самого себя» означает, «чтоб человек нашёл, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому беззаветно и безраздельно» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172]. И между этой заповедью в таком понимании и ее исполнением стоит не грех как таковой, а сама человеческая природа на земле, стремление к продолжению рода, *заповеданное Богом*: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28). Ибо для Достоевского «женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для *всех*). <...> Семейство — это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает <...> (т. е. сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен непрерывно отрицать его. (Двойственность)» [Достоевский, 1972–1990, 20: 173].

Такова антиномия, на которой в значительной мере покоится религиозная антропология писателя¹. Тема любви к ближнему и ее связь с любовью к Богу составляют центральный узел богословия

¹ Отъединение человека от других в индивидуальной любви к другому человеку — причина, по которой терпит поражение князь Мышкин. Будучи просто человеком, он не может отдать себя другим людям так, как сделал это *Богочеловек*

Достоевского, и Первое послание Иоанна становится здесь ключевым текстом. Именно здесь предлагается чеканная, дважды повторяющаяся формулировка «Бог есть любовь» (1 Ин 4: 8, 16). И именно здесь утверждается связь между любовью к людям и познанием Бога: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (4:7–8). В Новом Завете Достоевского эти стихи подчеркнуты карандашом [Евангелие Достоевского, 2017: 635].

Таким образом, Первое послание Иоанна в концентрированной форме выражает основную истину бытия человека в мире: человек включен в вертикальную и горизонтальную парадигмы общения, и они тесно связаны между собой — не только любовь к человеку происходит из любви к Богу, но и любовь к Богу происходит из любви к людям. Эта же мысль звучит в «Братьях Карамазовых»: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможен зайти в вашу душу». Эта параллель между Первым посланием и «Братьями Карамазовыми» [Достоевский, 1972–1990, 14: 52] не была отмечена в «Евангелии Достоевского», возможно потому, что составители посчитали недостаточно наглядными текстуальные совпадения, но при этом одинаковая мысль о тесной взаимосвязи любви к Богу и человеку налицо в обоих текстах.

На момент создания записи «Маша лежит на столе...» (1864) Достоевскому мог быть известен довольно широкий круг толкований этого новозаветного текста (обзор русского богословия с указанием авторов и тем см.: [Мень, 2009: 334–367]). Интересен труд Ф.И. Яковлева, где Первое послание описывается как послание против еретиков, прежде всего гностиков и тех, кто не верил в богочеловечество Христа. Апостол ясно свидетельствует, пишет Яковлев, что «Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек». Этот акцент важен для сложной динамики взаимоотношений человека и Богочеловека Христа в мысли Достоевского. И второй аспект Послания, который акцентирует Яковлев, — проповедь любви: «По какой причине Го-

Христос. «Идиот» оказывается доказательством божественности Христа от противного, от предположения, что Христос был просто человеком.

сподь Иисус Христос явился на землю? В Апостольском учении мы усматриваем первую, главную и священнойшую причину: это — любовь Божия к людям» [Яковлев].

Именно потому, что в Первом послании любовь утверждается как качество Бога, она становится способом подражания Христу и достижения совершенства Отца. Слова из Евангелия от Матфея «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) как бы продолжают текст Первого послания: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он» (4:16–18).

При этом понятие совершенства в любви связывается с конечной целью человеческого бытия. Совершенство, как отмечается в Толковой Библии, обозначается у Матфея и в 18 стихе 4 главы Первого послания Иоанна словом *τέλειος* (совершенный), которое «встречается из евангелистов только у Матфея два раза (еще 19:21), но несколько раз у Апостолов Павла, Иакова и один раз в 1 Ин. 4:18. Происходит от *τέλος* — в смысле достигнутой цели, <...> в нравственном смысле означает совершенство, полноту, безупречность, непорочность» [Лопухин, 1911: 109]. Представление о достижении цели, заложенное в представление о совершенстве любви, выводит внимательного читателя и на другие размышления.

Христианство провозгласило целью человеческого бытия бого-сыновство. Эта тема проходит через весь Новый Завет и труды отцов Западной и Восточной Церкви. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин 1:12–13). «Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!” Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:14–17), а также (Ефес. 1:4–5) и (Гал. 4:4–5).

Такую же цель утверждает для человека и Достоевский: «Христос весь вошёл в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, т.е. в Христа. <...> Как воскреснет тогда каждое я — в общем Синтезе — трудно представить. <...> Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных

разрядах (в доме Отца Моего обители многи суть). Всё себя тогда почувствует и познает навечно. **Но как это будет, и в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно»** [Достоевский, 1972–1990, 20: 174–175; выделено мной. — Т.К.]. И эта формулировка Достоевского опирается на Первое послание Иоанна: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; *но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть*» (3:2; курсив мой. — Т.К.). Эта явная текстуальная параллель между записью Достоевского и Посланием апостола тоже, насколько нам известно, ранее не отмечалась.

Но Достоевский здесь выходит за пределы исключительно концепции богосыновства. Для него предназначение человека — обожение, соединение с Богом. В этом он следует ортодоксальному христианскому, прежде всего православному, богословию. Ириней Лионский пишет о богосыновстве: «Христос Иисус Господь наш, Сын Всевышнего, <...> Который <...> стал сыном человеческим для того, чтобы человек сделался Сыном Божиим?» Афанасий Великий пишет уже о более тесной связи между человеком и Богом, об обожении: «Ибо “Слово плоть бысть” (Ин. 1:14), чтобы и плоть принесена была за всех, и мы, причастившись Духа Его, могли быть обожены». Афонский монах XIV в. Григорий Палама разработал учение об обожении (теозисе), ставшее официальным учением православной церкви [Палама, 1993].

Св. Григорий Палама в Триаде II «О священном свете» цитирует те же слова из Первого послания, которые подтверждают верность представлений о теозисе: «Мы знаем Бога уже не из вероятности: таким было богопознание через тварные вещи, теперь же “явилась жизнь, ... которая была у Отца, и явилась к нам” (1 Ин.1:2) и возвестила нам, что “Бог есть свет, и тьмы в Нем нет никакой” (1 Ин.1:5), и уверовавших в Него сделала “сынами света” (Еф. 5:8), и “еще не открылось, что мы будем, а... когда откроется, мы будем подобны Ему, потому что увидим Его, каков Он есть” (1 Ин.3:2)» [Палама, 1993: 233].

Таким образом, в Послании любовь к человеку, через которую достигается любовь к Богу, является способом максимального приближения к Богу, своего рода способом обожения, во всей полноте достигаемого на ином уровне бытия, в посмертном существовании человека, а также целью истории человечества.

У Достоевского антиномия любви одновременно является доказательством бессмертия души: «Вся история, как человечества <...> есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели. Но если это цель окончательная человечества (достигнув ко-

торой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, окончивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное. Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, т.е. если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172–173]. Отталкиваясь от романтического по сути своей представления о жизни как бесконечном стремлении, но делая целью этого стремления обожение в достижении полноты божественной любви, Достоевский формулирует свою антропологию и эсхатологию на основе канонического новозаветного текста.

Первое послание Иоанна было важно для Достоевского по ряду причин: акцент на любви как сущности Бога; представление о включенности человека в систему взаимообусловленных отношений *одновременно* с другим человеком и с Богом, где основу должна составлять любовь, т.е. сущность Бога; утверждение того, что именно в любви человек может стать столь же совершенным, как Отец небесный, и при этом в совершенстве любви скрывается и конечная цель пути человека — обожение, которое совершится неким неизвестным нам образом, но в будущей реальности которого мы не можем усомниться. Таким образом, параллельное прочтение Первого послания Иоанна и текстов Достоевского показывает, что в ключевых концепциях своей религиозной антропологии Достоевский был ортодоксальным христианским мыслителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бл. Августин*. О граде Божием. Кн. XIV–XXII. СПб., 1998.
2. Богословие Достоевского / Отв. ред. Т.А. Касаткина. М., 2021.
3. Буздалов А. Толкование искушений Христа у Достоевского // Русская народная линия. 07.10.2014. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (дата обращения: 12.12.2021)
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
5. Евангелие Ф.М. Достоевского: В 3 т. Tobolsk, 2017.
6. *Евлампиев И.И.* Ф. Достоевский и гностическая религиозность русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 9. 2008. № 2. С. 115–124.
7. *Лопухин А.П.* и др. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т. 8: Евангелие от Матфея. СПб., 1911.
8. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.

9. Мень А. К истории русской православной библеистики // Навстречу Христу: Сборник статей. М., 2009. С. 309–382.
10. Палама Григорий. Триады в защиту священо-безмолвствующих. М., 2003.
11. Хондзинский П. (прот.) Достоевский как «учитель Церкви» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 137–146.
12. Яковлев Ф.И. Апостолы. Вып. 2-й. Очерки жизни и учения святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Евангелии, трех посланиях и Апокалипсисе. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia2/apostoly-ocherki-zhizni-i-uchenija-svjatogo-apostola-i-evangelista-ioanna-bogoslova-v-evangelii-treh-poslanijah-i-apokalipsise-vypusk-2/#0_4 (дата обращения: 30.01.2022).
13. Scanlan J. Dostoevsky the Thinker. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.

REFERENCES

1. St. Augustin. O grade Bozhiem [The City of God]. Books XIV-XXII. St. Petersburg: Aleteia Publ., 1998. (in Russ.)
2. Bogoslovie Dostoevskogo [Dostoevsky's Theology]. / T.A. Kasatkina, ed. Moscow: IMLI RAN Publ., 2021. (in Russ.)
3. Buzdalov A. Tolkovanie iskushenii Khrista u Dostoevskogo [Interpreting the Temptations of Christ in Dostoevsky]. *Russkaya narodnaya liniya [Russian Popular Course]* 07.10.2014. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (Accessed on 12.12.2021). (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete Works in 30 vols.] Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Evangelie F.M. Dostoevskogo v 3 t. [Fyodor Dostoevsky's New Testament in 3 vols.] Tobol'sk: Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017. Vol. 2. (In Russ.)
6. Evlampiev I.I. F. Dostoevskii i gnosticheskaya religioznost' russkoi filosofii [Dostoevsky and the Gnostic Religiosity of Russian Philosophy]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*. 2008. № 2, vol. 9, pp. 115–124. (In Russ.)
7. Lopukhin A.P. et al. Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Bible with Commentaries for all the Books of the Old and New Testament]. St. Petersburg: n.p., 1911. Vol. 8. Evangelie ot Matfeya [The Gospel According to Matthew]. (In Russ.)
8. Losskii N.O. Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and His Christian Worldview]. New York: Chekhov Press, 1953. (In Russ.)
9. Men' A. K istorii russkoi pravoslavnoi bibleistiki [On the Sources of Russian Orthodox Bible Studies]. *Navstrechu Khristu. Sbornik statei [Toward Christ. Collected Articles]*. Moscow: Zhizn' s Bogom Publ., 2009, pp. 309–382.
10. Palama Grigorii. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolvstvuyushchikh [Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. Moscow: Kanon Publ., 2003. (In Russ.)
11. Khondzinskii P. (prot.) Dostoevskii kak "uchitel' Tserkvi" [Dostoevsky as a "Teacher of the Church"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*. 2014. Vol. 15. Issue 2, pp. 137–146. (In Russ.)
12. Iakovlev F.I. Apostoly. Vyp. 2-i. Ocherki zhizni i ucheniia sviatogo apostola i evangelista Ioanna Bogoslova v Evangelii, trekh poslaniiakh i Apokalipsise. [The Apostles. Issue No. 2. Essays on the Life and Teaching of the Apostle and

Evangelist St. John the Theologian in the Gospel, Three Epistles, and the Apocalypse]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia2/apostoly-oчерki-zhizni-i-uchenija-svjatogo-apostola-i-evangelista-ioanna-bogoslova-v-evangelii-treh-poslanijah-i-apokalipsise-vypusk-2/#0_4 (accessed on 30.01.2022). (In Russ.)

13. Scanlan J. Dostoevsky the Thinker. Ithaca and London: *Cornell University Press*, 2002.

Поступила в редакцию 01.03.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 16.06.2022

Received 01.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 16.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Ковалевская Татьяна Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; tkowalewska@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Kovalevskaya — Prof. Dr., European Languages Department, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; tkowalewska@yandex.ru